

UC DAVIS

DEPARTMENT OF HISTORY

In the College of Letters and Science

To whom it may concern:

It is my great pleasure to submit this external review of the dissertation by Ms. **Aibubi Imanalieвна Duisebayeva**, *The animal face of imperial power: Kazakh animal husbandry and tsarist veterinary services, 1868-1917*, in advance of her defense of the dissertation. I have served as an advisor for this dissertation, along with Prof. Zhanat Kundakbayeva, since 2020. Indeed, Ms. Duisebayeva spent five months in the first half of 2020 studying with me in Davis and developing the dissertation topic (a stay disrupted and extended by the COVID emergency), and we developed an article together (recently published in *Central Asian Survey*) that draws on the fourth and final chapter of the dissertation. I am a specialist in the history of the steppe under imperial Russian rule and feel well qualified to say that Ms. Duisebayeva's dissertation represents an important and utterly unique contribution to our knowledge of the history of the steppe, with implications for global histories of imperial and colonial rule as well.

Before delving into the subject matter and arguments of the dissertation, I wish to make two general points about the high quality of Ms. Duisebayeva's work.

First, her theoretical interventions are as bold as they are well considered. During our time together in Davis, Ms. Duisebayeva read voraciously the Anglophone literature on environmental history and animal history, audited English-language courses on environmental history to gain a broader perspective on the field's development, and moved beyond concrete historical examples to think of these matters in global and theoretical perspective. She uses Michel Foucault's concept of governmentality and Arun Agrawal's related concept of environmentality to good effect in the dissertation. Both help to provide a fuller understanding of the tsarist state's motivations for intervening in Kazakh stock-raising through veterinary services and the deeper disciplinary implications of measures described, on the surface, as motivated by concern for of Kazakh pastoralists and their animals.

Second, Ms. Duisebayeva has been uniquely thorough and creative in her use of primary sources. As we are all painfully aware, the COVID emergency made travel and access to archives difficult for a prolonged period of time. Ms. Duisebayeva, though, made a virtue out of necessity by approaching the sources she could access with a rigor rarely seen and by taking a broad view of sources that could provide useful information. Her description of her approach to different styles of veterinary reports found in the archival fond of the Turgai oblast administration is a model of

careful source study. Her outstanding Kazakh language skills permit her to use folklore and proverbs as a source for understanding the mentalities of pastoralists under imperial rule, a skill which she displays to great effect in the last chapter of the dissertation. She displays tremendous dexterity in cross-checking statistical data from the Resettlement Administration with archival records to explain the phenomena she observes. Of course, there is always more material to find; before publishing this work as an English-language monograph (which I think is possible with revision!) she might well wish to consult collections in Orenburg or St. Petersburg. But the source base of this dissertation is as strong as the ideas therein.

Turning, then, to those ideas. Ms. Duisebayeva has written, it seems to me, an important and necessary dissertation about a topic which is almost entirely unexplored. The study of both environmental and animal history in the Russian Empire is very much in its infancy, even as it is a well established subfield for the study of other colonial empires. The environmental history of the steppe has, in the existing historiography, focused largely on the cataclysms of the Soviet era (e.g. Sarah Cameron on the famine, Marc Elie on the Virgin Lands Campaign). Environmental histories of the imperial era (my own work, as well as work by David Moon and Jack Seitz) have focused largely on agriculture in this arid environment. Yet pastoral nomadism was both an important adaptation to the steppe environment and perceived by imperial Russian administrators as constituting the fundamental difference between Kazakhs and Russians. This was a difference that, increasingly, they viewed in negative terms, as a problem to be solved – as much for the Kazakhs' benefit as that of the empire, they argued. A focus on veterinary services helps Ms. Duisebayeva to delve into the changing nature of the human-animal relationship under imperial rule, which in turn was a critical part of the process of sedentarization and settler colonization. Her subject matter and theoretical perspective are unique within both the Anglophone and Russophone historiography; it is for this reason that she has already been able to publish her results in a prestigious journal like *Central Asian Survey*, and for this reason that, with further development, the dissertation could be published by a good Anglophone press.

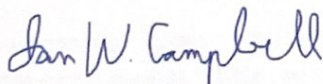
Indeed, Ms. Duisebayeva's conclusions are highly convincing. She demonstrates that the imperial veterinary network, though it was restricted to major roads and points and never had sufficient resources, gradually brought Kazakhs and their animals closer to state power. Vaccination against rinderpest or anthrax was not *just* a vaccination – it was a means of requiring Kazakhs to manage these diseases as the scientific experts of the imperial state wished them to, rather than employing

their own established methods. In turn, because Ms. Duisebayeva rightly understands settler colonialism as a set of structures and processes, rather than simply an event, she is also able to argue that even as veterinary services brought Kazakhs closer to the imperial state, the settlement of the steppe made these established methods more difficult to practice. The construction of railroads to integrate the steppe with the imperial center made epizootic disease an ever more pressing concern while encouraging the transformation of animals into commodities satisfying the needs of the center. Estrangement of land around railroad lines and for the use of settlers made it impossible for Kazakh pastoral nomads to avoid infected areas, as they had previously done. Other changes to Kazakhs' herds were similarly closely connected to the needs of the imperial center, not of Kazakh pastoralists themselves, despite what Ms. Duisebayeva aptly calls the "mask of concern" for Kazakh welfare. The "improvement" of horses was only an improvement from the perspective of imperial bureaucrats interested in cavalry remounts; the "improvement" of sheep was to make them more attractive as a saleable commodity outside the steppe; the introduction of cows to the herd was an adaptation to the reduction (or destruction) of pastoral mobility in the context of mass settlement and alienation of Kazakh pastures for settler needs. In all of this, the tsarist veterinary service played a critical and transformative role, a role that had gone completely unexplored before Ms. Duisebayeva wrote her dissertation.

This is a complicated argument, bringing together multiple strands of imperial Russian policy and exploring their interaction through the prism of human-animal relationships. It is also very sound. As a whole, the dissertation does not just add to but transforms our understanding of the relationship between the imperial center and the Kazakh steppe. I am pleased to have played a small part in its development and still more pleased to certify that it amply demonstrates the degree of mastery of the field and subject material necessary to earn the PhD.

Sincerely,

Ian W. Campbell

Associate Professor and Director of Graduate Studies

Department of History, University of California-Davis

Калифорнийский университет в Дэвисе
Департамент истории
В Колледже писем и наук

Для предъявления по месту требования:

С большим удовольствием представляю эту внешнюю рецензию на диссертацию г-жи Айбуби Иманалиевны Дуйсебаевой «The animal face of imperial power: Kazakh animal husbandry and tsarist veterinary services, 1868-1917» до ее защиты диссертации. Я выступал в качестве консультанта по этой диссертации вместе с профессором Жанат Кундакбаевой с 2020 года. Действительно, г-жа Дуйсебаева провела пять месяцев в первой половине 2020 года, обучаясь вместе со мной в Дэвисе и разрабатывая тему диссертации (пребывание было прервано и продлено из-за чрезвычайной ситуации с COVID), и мы вместе написали статью (недавно опубликованную в Central Asian Survey), основанную на четвертой и последней главе диссертации. Я специалист по истории степи под властью имперской России и чувствую себя вправе сказать, что диссертация г-жи Дуйсебаевой представляет собой важный и совершенно уникальный вклад в наши знания об истории степи, а также последствия для глобальной истории имперского и колониального правления.

Прежде чем углубляться в тему и аргументы диссертации, Я хочу сделать два общих замечания о высоком качестве работы г-жи Дуйсебаевой.

Во-первых, ее теоретические выступления настолько же смелые, насколько и продуманные. Во время нашей работы в Дэвисе г-жа Дуйсебаева как можно больше читала англоязычную литературу по истории окружающей среды и истории животных, посещала англоязычные курсы по истории окружающей среды, чтобы получить более широкое представление о развитии этой области, и не ограничивалась конкретными историческими примерами, чтобы думать об этих вопросах в глобальной и теоретической перспективе. В своей диссертации она успешно использует концепцию governmentality Мишеля Фуко и связанную с ней концепцию environmentality Аруна Агравала. И то, и другое помогает лучше понять мотивы вмешательства царского государства в казахское скотоводство через ветеринарные службы, а также более глубокие дисциплинарные последствия мер, описанных на первый взгляд как мотивы заботы о казахских скотоводах и их животных.

Во-вторых, г-жа Дуйсебаева необычайно тщательно и творчески использовала первоисточники. Как мы все с болью осознаем, чрезвычайная ситуация с COVID затруднила поездки и доступ к архивам в течение длительного периода времени. Тем не менее, г-жа Дуйсебаева, смогла успешно использовать источники к которым она могла получить доступ, с редко встречающейся строгостью и широко взглянув на эти источники, которые могли предоставить полезную информацию. Ее описание подхода к разным стилям ветеринарных отчетов, найденное в архивном фонде Тургайской областной администрации, является образцом тщательного источниковедения.

530-752-9241 тел.
2216 Социальные и гуманитарные науки
Электронная почта: iwcampbell@ucdavis.edu
history.ucdavis.edu

Ее выдающиеся знания казахского языка позволяют ей использовать фольклор и пословицы в качестве источника для понимания менталитета скотоводов при имперском правлении, умение, которое она демонстрирует с большим эффектом в последней главе диссертации. Она проявляет огромную ловкость в сверке статистических данных Управления по переселению с архивными записями, чтобы объяснить явления, которые она наблюдает. Конечно, всегда можно найти больше материала; прежде чем опубликовать эту работу в виде монографии на английском языке (что, я думаю, возможно с доработкой!) она вполне могла бы пожелать ознакомиться с коллекциями в Оренбурге или Санкт-Петербурге. Но исходная база этой диссертации столь же сильна, как и содержащиеся в ней идеи.

Итак, вернемся к этим идеям. Г-жа Дуйсебаева написала, как мне кажется, важную и нужную диссертацию на почти совсем неисследованную тему. Изучение как окружающей среды, так и истории животных в Российской империи находится в зачаточном состоянии, хотя это хорошо зарекомендовавшая себя область изучения других колониальных империй. Экологическая история степи в существующей историографии в основном сосредоточена на катаклизмах советской эпохи (например, Сара Кэмерон о голоде, Марк Эли о кампании целинных земель). Истории окружающей среды имперской эпохи (моя собственная работа, а также работа Дэвида Муна и Джека Зейтца) в основном сосредоточены на сельском хозяйстве в этой засушливой среде. Тем не менее, кочевничество скотоводов было важной адаптацией к степной среде и воспринималось имперскими российскими администраторами как фундаментальное различие между казахами и русскими. Это была разница, которую они все чаще рассматривали в негативном ключе, как проблему, которую необходимо решить — как для блага казахов, так и для империи, утверждали они. Сосредоточение внимания на ветеринарных услугах помогает г-же Дуйсебаевой проникнуть в меняющийся характер отношений между человеком и животными при имперском правлении, что, в свою очередь, было важной частью процесса оседлости и колонизации поселенцами. Ее предмет и теоретическая точка зрения уникальны как для англоязычной, так и для русскоязычной историографии; именно по этой причине она уже смогла опубликовать свои результаты в таком престижном журнале, как *Central Asian Survey*, и по этой причине при дальнейшем развитии диссертация могла быть опубликована в хорошей англоязычной прессе.

Действительно, выводы г-жи Дуйсебаевой весьма убедительны. Она показывает, что имперская ветеринарная сеть, хотя и была ограничена основными дорогами и пунктами и никогда не имела достаточных ресурсов, постепенно приближала казахов и их животных к государственной власти. Прививка от чумы крупного рогатого скота или сибирской язвы была не просто прививкой, а средством заставить казахов справляться с этими болезнями так, как этого желали научные эксперты имперского государства, а не использовать свои собственные установленные методы.

В свою очередь, поскольку г-жа Дуйсебаева правильно понимает поселенческий колониализм как набор структур и процессов, а не просто событие, она также может утверждать, что, хотя ветеринарные службы приблизили казахов к имперскому государству, заселение степей сделало эти устоявшиеся методы труднее применять на практике. Строительство железных дорог для соединения степи с имперским центром сделало эпизоотию все более острой проблемой, одновременно способствуя превращению животных в товар, удовлетворяющий потребности центра. Отчуждение земель вокруг

железнодорожных путей и использование поселенцами не позволило казахским кочевникам-скотоводам избегать зараженных территорий, как они это делали ранее. Другие изменения в стадах казахов также были тесно связаны с потребностями имперского центра, а не самих казахских скотоводов, несмотря на то, что г-жа Дуйсебаева метко называет «маской заботы» о благополучии казахов. «Улучшение» лошадей было только улучшением с точки зрения имперских бюрократов, заинтересованных в пересадке кавалерии; «улучшение» овец должно было сделать их более привлекательными в качестве товарного товара за пределами степи; введение коров в стадо было адаптацией к сокращению (или уничтожению) пастушеской подвижности в условиях массового заселения и отчуждения казахских пастбищ для переселенческих нужд. Во всем этом царская ветеринарная служба сыграла решающую и преобразующую роль, роль, которая оставалась совершенно неисследованной до того, как г-жа Дуйсебаева написала свою диссертацию.

Это сложный аргумент, объединяющий несколько направлений имперской политики России и исследующий их взаимодействие через призму отношений между людьми и животными. Это также очень здорово. В целом диссертация не просто дополняет, но и трансформирует наше представление о взаимоотношениях имперского центра и казахской степи. Я рад, что сыграл небольшую роль в ее разработке, и еще более рад удостовериться, что она убедительно демонстрирует степень мастерства в области и предметном материале, необходимые для получения степени доктора философии.

С уважением,
(Ян В. Кэмпбелл)

Ян В. Кэмпбелл
Ассоциированный профессор и Директор последипломного образования
Департамент истории Калифорнийского университета в Дэвисе

